

За последние годы в связи с общим развитием фразеологии как особой лингвистической дисциплины во многих славянских странах развернулась работа по созданию фразеологических словарей. Из больших толковых одноязычных словарей следует отметить двухтомные своды болгарской и польской фразеологии, фразеологический словарь русского языка, из небольших — словарь белорусской и словацкой фразеологии. Создан также ряд весьма интересных двуязычных фразеологических словарей и масса словарей учебного типа.

Сербохорватская (хорваткосербская) фразеология в этом отношении до сих пор оставалась белым пятном, что весьма усложняло исследование по сравнительно-историческому и сопоставительно-типологическому славянскому языкознанию. Этот недостаток ощущался тем острее, что и в чисто исследовательском плане именно сербохорватская фразеология была в славистике изучена весьма недостаточно. Словарь, составленный коллективом югославских и западногерманских лексикографов под руководством И. Матешича в принципе ликвидировал эту большую лауну. Объем, качество фразеографической обработки материала, продуманное расположение фразеологических единиц (далее — ФЕ) и другие достоинства делают его одним из лучших европейских фразеологических словарей.

Основная цель составителей — как можно полнее отразить сербохорватскую фразеологию, истолковать значения ФЕ. Эту нацеленность на конкретный материал нельзя не приветствовать, ибо до сих пор он был рассыпан во многих словарях, словариках и жаргонологических сборниках и не мог широко использоваться. В словаре зарегистрировано около 12 тысяч ФЕ, что, например, в три раза превышает число оборотов, представленных во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова. Столь большой объем обусловлен тем, что авторы не стремятся быть нормализаторами и кодификаторами: их словарь создан не по нормативному, а по описательному принципу. В этом богатом лексикографическом источнике отражены не только те ФЕ, которые употребляются в современной сербской и хорватской литературе и публицистике, но и те, которые звучат в живой речи. При этом критерием для включения таких разговорных, просторечных, жаргонных и сленговых ФЕ служит их регистрация в речи по крайней мере двух-трех носителей языка.

Важным критерием отбора материала для подобных изданий является дефиниция ФЕ и границ фразеологии составителями. Здесь авторы следуют оправданному и рациональному для лексикографии принципу, включая в корпус словаря лишь ФЕ в узком понимании, т. е. практически — лишь идиоматику. Тем самым достигается качественное единообразие описываемого материала.

В словаре нашли отражение все структурно-семантические типы сербохорватской идиоматики — глагольные, номинативные, адъективные, адвербиальные. Чрезвычайно богато представлена здесь компаративная фразеология, что далеко не всегда характерно для фразеологических словарей общего типа. Так, под стержневым словом *pas* «собака, пес» дано 26 устойчивых сравнений (с. 453—454). Широко отражена и фразеология с точки зрения ее происхождения. Основной корпус словаря составляет исконно сербохорватская идиоматика, но даются и старославянизмы, тюркизмы, русизмы, галлицизмы, англизмы и т. д. Особо важно, что авторы мобильно регистрируют в своем труде самые современные обороты — например, *biti nàlaziti se* ipf. *naći se* pf. i sl. u *àutu* «быть в неблагоприятной ситуации, жить вне событий, вне происходящего», *đtići* pf. u *àut* «попасть в неловкое положение, невыгодную ситуацию» (с. 4) или *zvježdani trenùtak* «особо удобное, удачное время, лучшие минуты кого, чего; звездный час» (с. 704). Большим подспорьем для исследователей сербохорватской фразеологии и помощью в отыскании конкретного оборота являются пунктуально составленные отсылочные статьи на каждый компонент ФЕ — включая стержневые компоненты, под которыми дано описание ФЕ: таких статей около 30 тысяч.

Самостоятельную ценность имеют в рецензируемом словаре контекстные иллюстрации. Они обычно отличаются яркостью и экспрессивностью (ср. контексты к обороту *sjèsti* pf. (*pàdati* ipf. *pàsti* pf. i dr.) *nà dupe* — с. 410). Благодаря таким иллюстрациям демонстрируется нередко шкала варьирования ФЕ в художественной и живой речи [ср. *pòdrezati* pf. (*pòdsjeći* pf., *pòstrići* pf., *sàpèti* pf., *potkrèšati* pf. i sl.) *komu, čemu krìla* — с. 278].

Большей частью, как уже отмечалось, иллюстративные примеры черпаются из художественной литературы нашего времени, хотя в словаре широко представлена и классика. Весьма положительно можно оценить и включение в словарь переводных текстов, например, переводы с русского произведений Л. Н. Толстого (С. Краньевич), Ф. М. Достоевского (Кушан-Лукчи) или с английского, польского, чешского, греческого и др. Это в какой-то мере — нарушение фразеографической традиции, но оно особо оправдано для южнославянской языковой зоны, где переводы всегда играли значительную роль и в художественном творчестве писателей, и в формировании литературного языка. Нельзя не приветствовать и широкую эксцерпцию из публицистических изданий, которая и позволила отразить самые новые веяния во фразеологическом обогащении сербохорватского языка. И, конечно, учитывая близость литературного (стандартного) языка к живой речевой стихии в Югославии, можно признать абсолютную оправданность отражения разговорно-просто-

речных элементов фразеологического фонда.

Практично расположение материала: оно подчинено доминанте стержневого слова, которым условно избирается первое существительное, прилагательное или глагол (при отсутствии существительного). В результате читателю легко проследить за семантической системой больших фразеологических рядов. В одном гнезде собраны, например, соматические обороты с компонентами *ruka, noga, glava* и т. д., а наличие отсылочных статей в этом же гнезде позволяет обозреть всю совокупность фразеологических ассоциаций, порожденных соответствующими лексемами.

Отражение системных отношений ФЕ — вообще сильная сторона словаря. Авторы особо внимательны к регистрации такого специфичного для фразеологии вида варьирования, как лексическая замена компонентов. Причем регистрируются не только компонентные замены на базе синонимии, но и на базе общего семантического поля: *dolijevati* ipf. (*lijevati* ipf., *doliti* pf., *baciti* pf. i sl.) *aljje na vatra* и под. Достаточно компактно и четко разграничивается многозначность, постоянно учитывается грамматическая специфика ФЕ и влияние синтаксического окружения на их семантику. Авторы последовательно фиксируют и ударение, что вполне оправдано спецификой акцентовки сербохорватского языка.

Способ семантической характеристики ФЕ — в основном описательный. Толкования, правда, не стандартны и не унифицированы (как, например, в болгарском фразеологическом словаре), но в большинстве случаев корректны и точны. Они могут быть и развернутыми, и предельно лапидарными (до одной лексемы-синонима) и — реже — могут дополняться фразеологическим синонимом (например, к ФЕ *dogurati koga do divara* при развернутом толковании дается и синонимический оборот *utjerati koga u skripac*) (с. 117). В некоторых случаях используется и семантический конкретизатор, указывающий диапазон применения ФЕ: например, к обороту *strijeljati ũšima* в круглых скобках дан поясняющий комментарий — «о лошади, об осле и под.» Авторами сделана также попытка разграничить сербский и хорватский варианты во фразеологии. Сами они, однако, сознают трудности и некоторую условность такого разграничения (с. IX), поэтому такие попытки в тексте словаря sporadичны.

Естественно, что в столь монументальном труде можно найти и некоторые лексикографические недочеты. В целом, как отмечалось, проблема выделения ФЕ из необъятного корпуса устойчивых оборотов разного типа авторами решена верно. Среди критериев, которые служили им опорой такого выделения, однако, нет столь важного, как экспрессивность. Несколько приближается к этому критерию, правда, «идиоматичность», понимаемая как семантическое преобразование хотя бы одного из компонентов ФЕ, но она не адекватна экспрессивности. Отсюда, как кажется, случаи отражения в сло-

варе таких сочетаний, которые либо демонстрируют широкую сочетаемость того или иного переосмысленного слова (*plivati u bogatstvu* «купаться в богатстве»), или, по сути дела, являются метафорическими лексемами, а не словосочетаниями (*biti bogin* «быть богovým», т. е. умереть, погибнуть; *biti duša* «быть душой чего»), либо же представляют собой термины и вообще сочетания терминологического, номенклатурного и под. типа (*sūhi režim* («сухой закон», *něcisti dūh* «нечистый дух, сатана», *čdravā Anđelija* «мартовская вьюга»).

Весьма оцудитимой лакуной словаря является отказ составителей от стилистической паспортизации материала: ведь уже широкий принцип его отбора и обращение к самым разным регистрам литературной и живой речи делают такую паспортизацию особо необходимой. Понятны трудности, с которыми сталкиваются фразеографы при описании ФЕ. Однако разграничение хотя бы «глобальных» стилистических регистров (книжн., прост., разг., жарг., сленг.) — не говоря уже о распределении ФЕ по шкале экспрессивности — важнейшая задача демонстрации этих единиц как системного целого.

Из мелких недочетов можно отметить гипертрофированное внимание составителей к глагольному виду. Видовые пары, конечно, довольно сложная лингвистическая проблема, но для носителя языка (которому предназначен словарь) они большой трудности не представляют. Повидимому, «пестрящие» видовые пометы при глагольных компонентах ориентированы скорее на немецкого читателя (словарь создавался при широком сотрудничестве с коллегами из ФРГ, и его материал в какой-то мере стал основой и будущего сербохорватско-немецкого фразеологического словаря), чем на югослава. Странно, что в списке словарей, которые подвергнуты эксцерпции, не оказалось «первоосновы» сербохорватской лексикографии — словаря Вука Караджича. Правда, в списке цитированных произведений есть некоторые труды Вука — например, «Kovčević za istoriju, jezik i običaje». Отдельные замечания можно высказать и по принципу расположения материала: внутри вокабулы не формализована парадигматика, что затрудняет поиск в большой группе ФЕ (например, см. стержни *Vog, Duša* и под.). Лишнее место, как кажется, занимают «пустые» отсылки на глаголы *biti* «быть», *imati* «иметь» и под.: вряд ли читатель будет искать соответствующую ФЕ под этими глаголами.

Созданный словарь — крупный вклад в славянскую фразеографию и фразеологию. Материал, заключенный в нем, поможет решить многие спорные вопросы фразеологической теории и практики. В частности, уже сейчас ясно, что он станет большим подспорьем при выяснении этимологии ФЕ. Так, до сих пор существовали два взгляда на происхождение ФЕ *положить зубы на полку*. Первый связывал ее с «зубьями» приспособлений для пряжи, которые откладывались якобы весной, с наступлением голодного

периода, на полку. Второй объяснял ее как народную шутку. Варианты того же оборота в сербохорватском языке, фиксируемые словарем — *stāviti (mètnuti) zūbe na pòlicu* и *mètnuti (òbjesiti) zūbe ò klin*, убедительно свидетельствуют (при наличии подобных польских, чешских и других соответствий), что о чисто русском «этнографизме» уже не может быть и речи и что перед нами — древний славянский фра-

зеологический каламбур. Материалов подобного рода в словаре весьма много. Вот почему этот фразеологический тезаурус несомненно станет источником, из которого будут черпать и художники слова, и лингвисты, и этнографы — все те, кому дорога живая и образная речь славянских народов.

Мокиенко В. М.